

Проблема с нехваткой денег для Ван Юаня казалась плевой. В конце концов, раз уж он завел столько нужных знакомств, когда же ими пользоваться, если не сейчас?

Но беда заключалась в том, что на этот раз он занимал деньги ради бизнеса.

Прежде он уже брал в долг у Шэн Лэя, Хуан Тяньхуа и прочих, но те серебряные монеты уходили как вода. Денег у него все равно не оставалось, а значит, и отдавать было нечего.

Но теперь-то он занимал на открытие лавки! Неужели предлагать тем друзьям стать его компаньонами из-за какой-то жалкой пары монет в качестве стартового капитала?

Для Ван Юаня это было совершенно неприемлемо.

Поэтому ему снова пришлось приняться за распродажу добра.

Набор стеклянных бокалов? Продать! Объявить их чистейшим хрусталём, заломить баснословную цену – в конце концов, в целом свете такой товар в единственном экземпляре.

Плотный пуховик? Тоже продать! Откуда у людей древности такая теплая одежда? Увидев ее, любой сочтет это за чудо. Разве вещь, созданная небожителями, может стоить дешево?

Том за томом выброшенные из тайника книги? Все продать! Плевать, что там за содержание, всё равно в древности книги не умели печатать с такой изысканностью, а сам он читать не любил.

Однако торгуя уже несколько дней, он едва наскреб гроши, о деньгах на аренду здания нечего было и мечтать, не говоря уже о ремонте, найме работников и рекламе.

Ван Юань страшно мучился от головной боли, и как раз в этот момент появился этот самый «молодой господин Е».

За последние дни он успел всучить молодому господину Е немало вещей, хотя уже и не помнил точно, что именно.

– Ты вообще распродал всё, что привозил из своей Европы? – поинтересовался молодой господин Е, перебирая принесенные сокровища. – Абсолютно всё?

Ван Юань горько вздохнул.

– Заработать бабки – капец как сложно, – пожаловался он. – Чего у вас в Ецзине такая дикая недвижка? Я даже помещение под аренду вывезти не могу.

Чжаое мысленно закатил глаза.

Ты же сам знаешь, что это столица, чего тогда ныть, что аренда кусается? Посмотрел бы сначала, на какие места ты вообще заришься.

– Какую лавку снять-то хочешь? – как бы между прочим поинтересовался он, целенаправленно выуживая из кучи стекла и пластика целый комплект книг.

Молодой господин велел передать: всякая утварь и безделушки – это второстепенное. Куда важнее те самые книги и предметы, на которые Ван Юань никогда не обращал внимания, ибо в будущем они могут сослужить великую службу.

Ван Юаня совершенно не волновало, что там выискивает Чжаое. Он вальяжно откинулся на спинку стула и выдал:

– Сначала я положил глаз на Красочный павильон. Мы уже обо всем договорились по цене, я собирался бабки отваливать, а этот жадный ублюдок взял и посреди сделки взвинтил цену в пять раз! Он что, в магаданских лесах с дубиной родился?! Какого черта?!

Чжаое подумал про себя: «Это ты тут грабежом среди бела дня занимаешься».

Раньше Ван Юань прикрывался именем княжеского поместья и всех вокруг водил за нос, обманывая и обирая до нитки. Тот управляющий до смерти боялся навлечь на себя гнев князя

Ляня, вот и скрипя сердцем уступил Красочный павильон Ван Юаню за двадцать процентов от реальной стоимости.

К счастью, молодой господин вовремя предупредил его и заставил этого Ван Юаня вылететь из поместья вон, благодаря чему управляющий Красочным павильоном смог вернуть свои убытки и избежать полного разорения.

Мысленно злорадствуя, Чжаоэ напустил на лицо пренебрежительную усмешку.

- И что хорошего в этом Красочном павильоне? - протянул он. - А как тебе башня Речной Луны на улице Смотровой Беседки?

- Да офигенно же! - с языка Ван Юаня чуть не сорвалось заветное словечко.

На улице Смотровой Беседки башня Речной Луны была самым приметным зданием: трехэтажный роскошный терем с двойными карнизами, украшенный золотом и самоцветами, с бирюзовой черепицей на взлетающих кверху крышах. К тому же он стоял в самом оживленном центре - всё в нем было прекрасно, вот только арендовать его он был явно не в силах!

И тут «молодой господин Е» небрежно откинулся на спинку стула, легко взмахнул складным веером и безмятежно улыбнулся.

- Прекрасно, говоришь? - медленно произнес он. - Мое.

- Благодарю сестрицу за столь щедрый дар.

Сяо Чжоцин обеими руками принял у Сяо Лин купчие на владение башней Речной Луны и земельный акт.

Их матушка, Хуай Цзян, происходила из знатного цзяннаньского рода и многие поколения вела дела в качестве императорского купца. Она прекрасно разбиралась в коммерции; унаследовав семейное дело и выйдя замуж за Сяо Шичэна, она все равно предпочитала жить на юге, а все столичные лавки и имущество еще несколько лет назад полностью передала Сяо Лин.

Сяо Чжоцин отлично понимал: автор книги написал всё это лишь для того, чтобы расчистить путь к триумфу Ван Юаня.

Только вот книга уже написана, и даже сам творец едва ли способен вернуть над ней контроль. Тот самый «золотой чип», который писатель некогда подарил Ван Юаню, теперь послужил во благо ему самому.

– Бери. В конце концов, это дар нашей матушки, и твоя доля в нем тоже есть, – с улыбкой произнесла Сяо Лин.

Сяо Чжочин же ответил со всей серьезностью:

– Как только дело выгорит, я верну лавку сестрице.

Сяо Лин удивилась:

– Выгорит? Какое еще дело?

Сяо Чжочин опустил взгляд на лежащие в его руках бумаги и с легкой улыбкой обронил:

– Долевое участие.

– Что?

Разумеется, Сяо Лин не могла понять этого термина, который он почерпнул со страниц романа «Попирающий князей».

Ван Юань вознамерился открыть лавку, но средств ему не хватало. Зато у него имелось вдоволь ценных товаров и заморских диковин, а теперь еще и роскошная винодельня на улице Смотровой Беседки – куда лучше и выгоднее по расположению, чем те заведения, которыми Ван Юань владел в оригинальном сюжете.

Поэтому он придумал один план.

Войти в дело в качестве компаньона и вести совместный бизнес с Ван Юанем – это и называется «долевым участием».

Вернувшись во двор Уединения, он обнаружил, что Чжао уже отправил людей доставить

подписанные бумаги обратно.

– Всё исполнено точь-в-точь по указанию молодого господина! Проверьте, верно ли составлено!

Сяо Чжочин развернул договор.

Черным по белому было выведено, что Чжаое в качестве пая вносит башню Речной Луны, в то время как Ван Юань берет на себя все бразды правления и оперативное руководство; стороны учреждают совместное предприятие, прибыль делят поровну, а все налоговые сборы берет на себя Чжаое.

Ван Юань, вне себя от восторга, уже размахисто поставил там свое имя. Стоило Сяо Чжочину лишь кивнуть – и дело было бы сделано.

Сяо Чжочин тихо усмехнулся.

– Отнеси это Чжаое, пусть поставит подпись и печать, а один экземпляр перешли в управу для оформления официального патента.

Никакой арендной платы, совместное ведение дел, статус равноправных «акционеров» и освобождение от налогов – Ван Юань наверняка воображал, будто сорвал невероятный куш.

Вот только он понятия не имел, что в Великой Шан подобные контракты именуются вовсе не товариществом, а банальным наймом.

Тот, кому принадлежат стены и земля – хозяин; тот, кто платит подати в казну – тоже хозяин. Каким бы ни было распределение прибыли, согласно поданной в управу бумаге, Ван Юань оставался всего-навсего наемным управляющим.

Управляющим, состоящим на жалованье у Сяо Чжочина.

Вывеску башни Речной Луны сняли, и внутри закипел бурный ремонт.

«Молодой господин Е» заявил, что внес свою долю, и с этих пор больше ни во что вмешиваться не намерен. Он просто оставил ключи Ван Юаню, прислал в помощь опытного счетовода, а сам самоустранился, заявив, что явится лишь на открытие испить праздничного вина.

Не имея над собой никаких надсмотрщиков, Ван Юань, естественно, был на седьмом небе от счастья.

За последнее время он неплохо поднялся, распродавая диковинки из пространственного кармана. Раз уж это его первое собственное детище, развернуться следовало на широкую ногу: баснословные суммы потекли рекой, а сам он перерыл вверх дном все закрома своего космолета.

В итоге, задолго до официального открытия «Триумфальной арки», до Сяо Чжочина долетали все новые и новые слухи о предстоящем событии.

Говорили, будто пол в этом заведении сиял так, что в нем отражались лица – его вымостили диковинной смесью песка и глины, которую хозяин звал «кафельной плиткой». Сказывали также, что стены переливались всеми цветами радуги, а краску эту восточный купец назвал «латексной». Поговаривали о гигантской хрустальной люстре под самым потолком, уставленной свечами, что горела ярче дневного света даже глубокой ночи. А еще судачили о каких-то причудливых мягких креслах замысловатой формы, величая их «диванами»...

Даже поступавшие от осведомителей донесения пестрили невероятными подробностями. Перечитывая эти живописные описания, Сяо Чжочин невольно ловил себя на мысли.

Обладая сокровищами из того мира, добиться успеха и славы в нынешнюю эпоху для Ван Юаня было проще простого.

Даже несмотря на все чинимые им препятствия.

Но к счастью, знание оригинального сюжета давало ему фору – по крайней мере, он точно знал, какими фигурами на доске располагает Ван Юань.

Опираясь на это знание, он мог заранее выстроить расстановку сил и скорректировать ход событий, так что когда Ван Юань сделает свой ход, тот растворится в пучине без единого звука, словно брошенный в воду глиняный бык.

Кто знает, может, ему даже удастся обратить чудесные сокровища Ван Юаня себе на пользу?

Сяо Чжоцин безмолвно ждал подходящего часа.

Однако час еще не пробил, а во дворце становилось все тревожнее.

В тот день, сразу после ухода Сяо Чжоцина, князь Лянь отдал строгий приказ Чэнь Шэню: немедленно закрыть дело, не допуская никаких затягиваний.

Чэнь Шэнь тут же взял под козырек и в кратчайшие сроки объявил гибель всех троих несчастным случаем, поставив точку в расследовании.

В конце концов, на телах погибших действительно не было никаких следов от клинков или оружия. Выловленные из воды захлебнулись, повешенные на балках – удавились, а даже тот генерал Парчовой гвардии, что скончался после обильного возлияния, умер от вне остановки сердца – никаких следов насилия или яда при осмотре не обнаружили.

И тем не менее мрак, нависший над двором Изогнутой Террасы, рассеиваться вовсе не спешил.

В последующие дни беда повторялась с пугающей регулярностью: ровно через день в павильоне Изогнутой Террасы кто-то умирал.

Кто-то вешался, кто-то бросался в пруд, кто-то умирал от внезапного разрыва сердца в испуге, а иной по неосторожности оступался у ручья, и быстрое течение уносило его тело прямо на острые подводные рифы.

Спустя несколько дней даже у Сяо Чжоцина заныло сердце от дурного предчувствия, и он поневоле начал сомневаться.

...Откуда же взялась такая напасть?

Каждого погибшего тщательно осматривали императорские лекари, и он лично изучил все донесения, до мельчайших деталей вчитываясь в протоколы.

Без исключений: никаких признаков убийства. Но если говорить о самоубийстве, то обстоятельства ни в одном из случаев не соответствовали и половине условий.

Люди исчезали тихо и бесследно, так, будто разъяренный злой дух с неистовой жадой мести поочередно сжимал горло каждому из них.

В этот день, направляясь к залу Изогнутой Террасы, Сяо Чжочин даже заметил, как перепуганные евнухи украдкой наклеивают на оконные рамы охранные талисманы.

– Сегодня ночью они снова придут... Спаси и сохрани, великий владыка Тайи Цзюку Тяньцзунь, защити твоего слугу!

– Да когда же этот демон угомонится? У каждого зла есть свой зачинщик, мы-то ему ничего не сделали!

– Тсс... Не болтай лишнего!

– И то верно! А вдруг он здесь... прямо у нас за спиной?..

Несколько евнухов с бледными лицами судорожно оглянулись и замерли: прямо перед ними, овеянный прохладным ветром, с легким хмурым выражением между бровей стоял господин Сяо и молча смотрел на них.

Все четверо испуганно вздрогнули.

– Гос... господин Сяо!

Зная, что господин Сяо не верит ни в каких духов и божеств, несчастные слуги застыли с наполовину приклеенными бумажками в руках, не зная, продолжать им или отдернуть руки.

Продолжишь – навлечешь гнев сановника, бросишь – а вдруг и впрямь призраки пожалуют...

– Занимайтесь своими делами.

Встретившись с умоляющими взглядами, Сяо Чжочин на мгновение умолк, развернулся и

молча пошел дальше.

Он не был тираном, а в нынешней атмосфере повального страха приказывать слугам ничего не бояться и не почитать духов было бы верхом бессердечия.

Едва переступив порог зала Изогнутой Террасы, он застал Ло Хэюя за подозрительным занятием: евнух украдкой пытался засунуть незаметную записку с наговором под самую чернильницу Фэн Юаньси.

- Евнух Ло?

Сяо Чжоцин произнес это тихо, но Ло Хэюй так подпрыгнул от неожиданности, что бумажка с треском спланировала на пол.

- Господин Сяо...

Сяо Чжоцин подошел ближе. На упавшем на пол золотистом листке бумаги красовались начертанные киноварью устрашающие завитки - это был классический даосский оберег для изгнания нечисти.

Он поднял взгляд на Ло Хэюя.

Тот опустил голову, явно смущенный и испуганный:

- Не гневайтесь, господин... Просто в последнее время на Изогнутой Террасе творится чёрт знает что, Его Величество каждую ночь поживает в одиночестве, а этот раб так переживает...

- Евнух Ло боится, что этот «призрак» явится в покои Его Величества? - прямо спросил Сяо Чжоцин.

Ло Хэюй промолчал, сочтя это за знак согласия.

Сяо Чжоцин поднял талисман и через мгновение тихо вздохнул:

- Евнух Ло, я ценю ваши добрые намерения. Но подумайте сами: если эта бумага просочится за пределы дворца, что станет с сановниками при дворе и с простым народом по всей Поднебесной?

- Это... - замялся евнух.

Сяо Чжоцин продолжил:

- Его Величество - Сын Небес, правитель по воле неба, воплощение самой Звезды Императора. Если даже рядовой злой дух может беспрепятственно чинить здесь бесчинства и для спокойного сна императору требуются охранные бумажки, не подумает ли весь мир, что небо больше не благоволит нашему государю и судьба Великой Шан висит на волоске?

По спине Ло Хэюя покатился холодный пот.

- Э-э... этот раб не заглядывал так далеко, господин Сяо...

Сяо Чжоцин вовсе не желал его пугать.

- Ничего страшного, - он взмахнул рукой, поднес талисман к светильнику и хладнокровно сжег его в языках пламени, после чего обратился к евнуху: - Я слышал, что этот «злой дух» являет себя в ночные часы четной стражи. Поручено ли дозорам усилить охрану? Подходы к императорским покоям и все закоулки усадьбы Изогнутой Террасы должны охраняться со всей строгостью.

- Слушаюсь! Этот раб сию же минуту все организует, можете не сомневаться, господин!

Старый хромой евнух со сплошь седыми висками вызывал у Сяо Чжоцина лишь смутное беспокойство.

- Вся надежда на вас, евнух Ло, - произнес он. - Жаль только, что после наступления комендантского часа мне запрещено оставаться во дворце, иначе я бы тоже смог хоть в чем-то помочь...

Мутные старые глаза евнуха мгновенно вспыхнули.

- Так, может, господин изволит остаться в Изогнутой Террасе на эту ночь? - выпалил Ло Хэюй.

- ...Что? - Сяо Чжоцин ушам своим не поверил.

- Если господин пожелает этой ночью не покидать покои государя, этот раб сейчас же все подготовит!

Старый евнух выглядел так, будто наконец отыскал спасительный причал.

Ну что толку от обычных стражников? Нынче все гвардейцы Парчовой гвардии тайком прятали за пазухой защитные амулеты! Если уж их собственный генерал пал от руки призрака, какая польза от этих дозоров?

То ли дело господин Сяо!

В чем именно заключалась эта разница, он объяснить бы не смог, но точно знал: пока господин Сяо находится рядом с Его Величеством, бояться определенно нечего!

- Это...

Где это видано, чтобы посторонний сановник ночевал во внутренних покоях?

Сяо Чжоцин заколебался.

Но стоило Ло Хэюю поднять голову, как его лицо озарилось еще большей радостью при виде приближающейся из темноты высокой фигуры.

- Ваше Величество! Господин Сяо как раз беспокоится о безопасности Вашего Величества и обсуждает со старым рабом, как остаться здесь и лично охранять покой государя!

Сяо Чжоцин резко обернулся и столкнулся взглядом с Фэн Юаньси, который стоял поодаль, скрестив руки на груди.

А Ло Хэюй радостно расплылся в улыбке:

- Сам господин говорит, что желает остаться ночевать на Изогнутой Террасе!

Сяо Чжоцин: - ...

Он отчетливо помнил, что ничего подобного он и в помине не говорил.

<http://bllate.org/book/18810/1865700>